Глава 24

*** Искренность

— Что… ты сказал?

Ло Хуай вперился взглядом в глаза Чу Сюня. Его голос, вырвавшийся из самой глубины горла, звучал глухо и надтреснуто, напоминая шорох перетираемых камней.

Он и представить не мог, что Чу Сюнь ответит именно так. Тщательно выстроенный план в одно мгновение рассыпался в прах, и в глазах правителя промелькнула паника. Однако он тут же подавил её, поспешно нацепив на лицо маску напускной свирепости.

Выражение лица Чу Сюня не изменилось. Он небрежно потрепал Ло Хуая по макушке, а затем слегка наклонился, чтобы их взгляды оказались на одном уровне.

Юноша мягко усмехнулся. И хотя в его голосе всё ещё сквозила привычная беспечность, в глазах на сей раз светилась редкая нежность.

— Я не люблю повторять дважды. Если не услышал — считай, предложение аннулировано.

— Я… я всё услышал! — поспешно возразил Ло Хуай.

Лишь секунду спустя он осознал, что этот тон — поспешный и встревоженный — совсем не вяжется с образом человека, пытающегося угрожать. Ему оставалось лишь бессильно стиснуть зубы от досады.

Из-за их близости правитель невольно утонул в глубине чужого взгляда.

Его пальцы, сжимавшие нож, судорожно напряглись, но в конце концов он не выдержал и отвел клинок. Убрав оружие, Ло Хуай потянулся было рукой, чтобы коснуться кончиками пальцев безупречных ресниц Чу Сюня.

Однако стоило руке оказаться у лица юноши, как Чу Сюнь перехватил его запястье. Выпрямившись, он лениво притянул Ло Хуая к себе и с улыбкой произнес:

— Если хочешь на кого-то любоваться, любуйся на моё настоящее лицо. Не засматривайся на маску, иначе я начну ревновать.

«Я и не думал смотреть на маску, — пронеслось в голове Ло Хуая. — Я всё это время смотрел только в твои глаза»

Вслух он этого не произнес. Лишь отвел голову и негромко буркнул:

— Лжец.

— М-м? — Чу Сюнь вопросительно глянул на него сверху вниз.

Собеседник явно не собирался продолжать этот разговор. Осознание того, что он снова из-за одной-единственной фразы упустил момент, чтобы проявить силу, заставило его замолчать. Юноша опустил глаза, в которых застыла горькая усмешка над самим собой.

Чу Сюнь не стал допытываться. Он лишь поманил пальцем Принцессу, застывшую на ограде, и негромко позвал:

— Принцесса, иди сюда.

Кошка коротко мяукнула и, отбросив сомнения, грациозно прыгнула на плечо Чу Сюня, явно намереваясь перебраться к нему в объятия.

Ло Хуай хмуро покосился на виляющую хвостом Принцессу. Теперь он окончательно убедился, что решение приютить эту вредную животину было его величайшей ошибкой.

И пускай правитель не собирался заводить с ней теплых отношений, питомица как минимум не должна была так нагло лезть к Чу Сюню в объятия.

«Завтра же пусть сама идет добывать себе еду. О консервах может забыть»

Ло Хуай, этот «жестокосердный» глава дома Грифон и гроза кошек, уже прикидывал, как проучить Принцессу, когда Чу Сюнь медленно поднял руку. Он осторожно придержал животное, мягко ступавшее подушечками лап по его предплечью, а затем… бесцеремонно всучил её Ло Хуаю прямо в руки.

…А?

Юноша растерянно моргнул. Он опустил голову, глядя на кошку, которая преспокойно устроилась в его руках. Принцесса коснулась его руки хвостом, а затем ласково лизнула пальцы правителя.

Чу Сюнь лениво запустил ладонь в волосы Ло Хуая, поглаживая его по голове точно так же, как до этого гладил кошку. Его длинные пальцы перебрали пряди, скользнули по шее и спустились чуть ниже, заставляя Ло Хуая содрогнуться от волны пронизывающей истомы.

Затем Чу Сюнь заговорил. Ло Хуаю показалось, что в его насмешливом голосе намеренно зазвучали двусмысленные нотки.

— Наш молодой господин должен хорошенько заботиться о Принцессе.

— Кошку я больше брать не буду. В конце концов, в доме не должно быть сразу двух котов. Боюсь, тот, которого я уже приручил, будет слишком сильно ревновать.

Ло Хуай застыл, не в силах вымолвить ни слова. Он лишь плотно сжал губы, а его затылок, которого только что касались чужие пальцы, медленно залил густой румянец.

Какое-то время он не сводил глаз с питомицы. В итоге правитель в порыве величайшего великодушия решил, что с завтрашнего дня Принцесса будет получать вдвое больше сушеной рыбы и лакомых консервов.

***

Ло Хуай не собирался показывать Чу Сюню всё это необъятное поместье. Напротив, он втайне надеялся, что юноша заблудится в этих коридорах и никогда не найдет выход.

Стоило им переступить порог особняка, как он опустил Принцессу на пол и прямиком повел гостя в свои покои.

— Отныне ты будешь жить здесь, — коротко бросил он.

Комната считалась спальней Ло Хуая, но выглядела она странно. Вся обстановка казалась нежилой; несмотря на ежедневную уборку, здесь было слишком чисто, стерильно и безжизненно.

Чу Сюнь, приподняв бровь, окинул комнату взглядом.

— Ты обычно запираешься здесь в одиночестве? — с нескрываемым интересом спросил он.

Ло Хуай решил, что гость обеспокоен безопасностью, и нахмурился.

— Не волнуйся. Здесь ты под надежной защитой.

— Я не об этом.

Чу Сюнь опустился на диван и, подперев голову рукой, небрежно заметил:

— Просто подумал, что тебе стоит сменить эту клетку на лежанку поуютнее.

— У Принцессы очень уютная лежанка... — начал было Ло Хуай, но на середине фразы до него дошло, что Чу Сюнь снова над ним подшучивает.

Он замер, глядя на юношу. Адамово яблоко на его шее судорожно дернулось, а взгляд стал темным и глубоким.

— Неужели ты не можешь разговаривать нормально с теми, кто тебе не интересен? — процедил он сквозь зубы.

Чу Сюнь сидел на черном кожаном диване. Услышав это, он убрал руку от лица и слегка склонил голову набок, откидываясь на спинку. Монотонная чернота за его спиной резко контрастировала с серебристо-серыми волосами. На Ло Хуая хлынула волна давящей, властной ауры, которую Носитель даже не пытался скрыть.

Чу Сюнь вскинул веки и улыбнулся, не отрывая взгляда от потемневших глаз правителя.

— Но мне нравится говорить с тобой именно так. Неужели ты не сможешь сдержаться?

Затем он непринужденно опустил взгляд. Его тонкие пальцы скользнули вниз и без малейшего колебания принялись расстегивать пуговицы на рубашке.

Ло Хуай мгновенно отвел глаза.

Спустя мгновение его пальцы судорожно вцепились в ткань брюк на коленях.

— Для тебя это лишь очередная забава... — с нескрываемой обидой пробормотал он. — Но я... ладно, неважно. Делай что хочешь.

Он принялся терзать несчастную складку ткани, вымещая на ней всю свою глухую ярость. Дорогая материя помялась, а кончики его пальцев покраснели от напряжения.

В этот момент Чу Сюнь мягко подцепил его за подбородок, заставляя поднять голову.

С этого ракурса Ло Хуаю открылся вид на безупречные линии живота и пресса юноши. Бледная кожа делала его образ одновременно аскетичным и опасным. Вид этой соблазнительной талии с изломом над низко сидящими брюками мгновенно перенес мысли Ло Хуая в тот дождливый вечер восемь лет назад, в дешевый придорожный мотель.

Он не удержался и на мгновение задержал взгляд на чужом теле, прежде чем услышал голос

Чу Сюня:

— Я просто собирался принять душ. О чем ты там подумал?

Ло Хуай промолчал.

Чу Сюнь разжал пальцы и направился в ванную. Вскоре оттуда донесся шум воды, и в комнату поплыли клубы влажного пара.

Ло Хуай решил, что эти десять-пятнадцать минут он проведет в спокойном ожидании, но время почему-то тянулось невыносимо медленно.

Мысли, вопреки его воле, начали путаться и уходить в опасное русло.

«Чу Сюнь жив. Но где он был все эти годы? Не приютил ли он кого-то еще, поддавшись внезапному порыву? Целовал ли он того человека? Делал ли с ним нечто большее?»

Для него это было бы совершенно естественным.

Чу Сюнь казался человеком, который волен путешествовать по всему миру, заходить в бары и одаривать случайных знакомых той самой лукавой, многозначительной улыбкой, приковывая к себе взгляды всех вокруг.

Он всегда был таким — своенравным и непостижимым.

«А я… я, возможно, лишь один из многих в этой толпе. Совсем не особенный для него»

Дыхание правителя участилось.

Он почувствовал, как в нем снова закипает безумие. Ярость, бурлившая в крови, шептала ему:

«Запри его. Запри в этой комнате навсегда, чтобы он больше никогда не смог уйти»

Ванная казалась идеальным местом. В белоснежной ванне лежит прекрасный возлюбленный с плотно закрытыми глазами, и он сможет каждый день сидеть рядом, в тишине любуясь им. Он сможет держать его за руку, обнимать — и тот никогда не откажет. И больше ни на кого не посмотрит с этой улыбкой.

Юноша бессознательно поднялся и подошел к двери из матового стекла. В полузабытьи он уже готов был толкнуть ручку и войти.

Но стоило его пальцам коснуться холодного металла, как сознание на миг прояснилось, словно от удара током. Он в ужасе отшатнулся.

В суматохе Ло Хуай зацепился ногой за тапочек и повалился на мягкую постель.

Он забился в самый угол у изголовья. На его тонких запястьях проступили вены — он мертвой хваткой вцепился в серые простыни.

«Успокойся, — приказал он себе. — Успокойся, Ло Хуай. По крайней мере сейчас — не дай ему это заметить»

Шум воды в ванной продолжался, напоминая дробь дождя по мостовой. В этом вымышленном дождливом дне Ло Хуай сжался в углу, словно бездомный зверек, пытаясь переждать часы своего бесконечного одиночества.

Он зажмурился, изо всех сил стараясь подавить безумные фантазии, и потому не заметил, как вода стихла и стеклянная дверь открылась.

Чу Сюнь остановился перед ним. Он опустил взгляд, и выражение его лица скрыла тень.

Ему казалось, что Ло Хуай сейчас до боли напоминает раненого зверя, который ничего не говорит хозяину и совершенно не умеет просить о ласке.

Чу Сюнь набросил чистое полотенце на голову Ло Хуая. Мягкая ткань плавно опустилась, закрывая половину его лица и привнося в атмосферу толику тепла.

Мир перед глазами юноши внезапно исчез, сменившись белой пеленой. Он замер в растерянности и медленно повернул голову. Ладонь Чу Сюня нежно коснулась его щеки, словно в ласковом жесте.

Затуманенный взор Ло Хуая постепенно прояснился, и он увидел лицо, которое знал до последней черточки.

Влажные волосы упали на лоб. Взгляд Чу Сюня был опущен; сейчас он походил на прозрачное озеро, заваленное снегом — холодный, спокойный и бесконечно глубокий. Длинные ресницы отбрасывали на щеки легкую тень.

Ло Хуаю казалось, что он помнит это лицо во всех деталях, но только теперь, когда Чу Сюнь снова стоял перед ним, он осознал, как долго тянулись эти восемь лет.

Память, казавшаяся безупречной, на деле давно подернулась дымкой.

Весь хаос в голове улегся. Правитель осторожно коснулся пальцами щеки Чу Сюня и прошептал:

— Красивый.

Чу Сюнь тихо рассмеялся. Его губы, влажные от пара, налились цветом, и сейчас он напоминал опасного горного духа, который манит к себе, несмотря на смертельную угрозу.

Он наклонился и запечатлел поцелуй на тонкой шее Ло Хуая. В этом поцелуе не было страсти, но юноша невольно вскинул руки, обхватывая Чу Сюня за плечи.

Это прикосновение подарило ему странное чувство — будто хищник мягко прихватил его зубами за горло.

Чу Сюнь провел рукой по линии его талии, скрытой под черным пиджаком, и ладонь его в конце концов легла на поясницу.

Легкий нажим — и Ло Хуай оказался вплотную к Чу Сюню, чья шелковая мантия была небрежно распахнута.

Но он так и не ощутил полноценных объятий. Носитель удерживал его на самой грани, едва касаясь пальцами его кожи, и это ожидание становилось невыносимым.

Голос Чу Сюня звучал низко и вкрадчиво. Он тянул слова медленно, словно искушая.

— Ошибки нужно исправлять вовремя, Ло Хуай. А теперь скажи мне: как ты думаешь, интересен ты мне или нет?

Ло Хуай забыл, как дышать.

Слишком близко. Так близко, что он видел в глазах Чу Сюня холодное, прямолинейное желание обладать.

Прирожденный лидер всегда кажется ленивым и беспечным.

Ровно до тех пор, пока не найдет добычу по вкусу и не начнет медленно выпускать когти.

Инстинкт велел Ло Хуаю бежать.

Но когда дело касалось Чу Сюня, он всегда был готов пойти наперекор любым инстинктам.

Ло Хуай вскинул голову и бесстрашно коснулся губами губ Чу Сюня. Этот поцелуй был мимолетным; он тут же отстранился и прижался лицом к его ключице. А затем, отбросив все сомнения, юноша крепко сжал зубы на его коже, оставляя след.

Чу Сюнь обхватил его за затылок и насмешливо спросил:

— Разве территорию не полагается метить больнее? Боишься причинить мне боль?

Ло Хуай не ответил. Он лишь сильнее уткнулся лицом в шею Чу Сюня и заговорил.

Несмотря на внешнее спокойствие, его голос заметно дрожал.

— Чу Сюнь... не проявляй интерес к кому-то другому.

— И ко мне... не относись лишь с интересом.

— Подари мне хоть немного искренности... Прошу.

Сказав это, Ло Хуай опустил ресницы и бережно лизнул след от своего укуса.

Там, где Чу Сюнь не мог видеть, его грудь судорожно вздымалась. Он из последних сил скрывал бурю в своей душе, ожидая ответа с холодным, застывшим лицом.

«Если он скажет "нет", тогда я...»

— Гораздо больше, чем "немного".

Голос Чу Сюня прозвучал внезапно.

Он разжал пальцы на затылке Ло Хуая.

«Ло Хуай, в моём сердце для тебя гораздо больше, чем просто крупица искренности»

http://bllate.org/book/15843/1435519